

НАНАЙСКИЙ ОБРЯД ПОСВЯЩЕНИЯ В ШАМАНЫ: ОБЛАЧЕНИЕ ШАМАНА

Нанайцы (устаревшее самоназвание – гольды) – народ тунгусо-маньчжурской языковой группы. Самоназвание — нанай, нани (от на — «земля», най — «человек») — «люди этой земли». Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года численность нанайцев в Хабаровском крае составляет 11009 чел. Нанайцы проживают в основном в Хабаровском крае: в Амурском, Нанайском, Комсомольском, Солнечном, Хабаровском районах, в городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также в Приморском крае и Сахалинской области, провинции Хэйлунцзян Китайской Народной Республики. В Китае нанайцы называются народом *хэджэ*.¹

Хабаровский край является местом компактного проживания (92,29%) нанайцев. Нанайские села расположены компактно по берегам Амура между Хабаровском и Комсомольском-на-Амуре. Этнос делится на 30 нанайских родов, наиболее многочисленными среди них стали: Актанка и Киле, Сарголь и Гайер, Гахир и Самар, Донкан и Ойтанка, Перменка и Ходжер.

Общепринятого определения шаманизма не существует. Даже общение шамана с духами (обычно возможность такого общения приписывалась только шаманам), у разных народов выглядит по-разному; в частности, простые нанайцы и ульчи (не шаманы), согласно их понятиям, также умели активно общаться с духами. Для нанайцев было характерно представление о существовании у шаманов особой души, отличной от душ простых людей, она имела и иное название. Это был дух, способный к перевоплощениям.

Обряд посвящения в шаманы² нанайцы и ульчи называют *сама нихэлини*, буквально — «шаман открывается» (*нихэли* — открывать). Новый шаман появлялся всегда через посредство другого, более опытного, старого.

Строгих канонів данного обряда не существовало, однако имели место общие принципы, а вариации касались только второстепенных деталей. Обычно обряд привлекал многих зрителей. Появление нового шамана в прошлом было важным событием в общественной жизни главным образом потому, что обычно шаман был почти единственным лицом, к которому можно было обратиться с различными нуждами, он по-своему удовлетворял их, особенно больных. Сам по себе обряд содержал интересные зрелищные элементы.

Внешние черты обряда у нанайцев. Внешне обряд проводился примерно так: к больному, о котором было известно, что он отличается своеобразными чертами поведения, родственники звали опытного шамана. Старый шаман обычно лечил разные болезни, в том числе и душевные. У некоторых больных наличествовали определенные черты так называемой шаманской болезни, дававшие основания считать их будущими шаманами. Когда родственники посылали за старым шаманом для лечения больного, последний, сидя дома,

---

¹ Электронный ресурс: Коренные народы Хабаровского края из цикла видеорепортажей «Мир прекрасного в Хабаровском крае».

² Смоляк, А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) /А.В. Смоляк. – М.: Наука, 1991. — 280 с.

говорил, из какой деревни едет шаман, в какой лодке, во что он одет и т.п. Уже это для окружающих служило показателем его сверхъестественных способностей. Опытный шаман, едва начав камлать, по ряду признаков уже видел, что перед ним — будущий шаман и нужно после камлания приступать к обрядам посвящения.

Он приказывал сделать деревянную антропоморфную фигурку духа *аями*. Ее ставили на деревянный настил в старом нанайском доме. Семь-девять человек из числа присутствовавших на обряде поочередно танцевали в комнате, надев на себя шаманский пояс, взяв в руки бубен. Старый шаман камлал после них. Он отыскивал духа, длительное время мучавшего больного и вдвухвал его в фигурку *аями*. Будущий шаман бурно реагировал на это действие. В некоторых случаях он вскакивал, начинал кружиться по комнате и петь по-шамански, в других — вскрикивал и на мгновение падал без чувств; все это считалось показателем того, что больной уже стал шаманом.

Вечером фигурку *аями* закрывали халатом и оставляли на нарах, а больной лежал в изнеможении до следующего дня. Утром в доме нового шамана совершался специальный обряд. Впереди становился старый шаман в полном костюме³, с ритуальными стружками на сгибах рук и ног. К его поясу сзади привязывали узкий ремень (соона) длиной в 2 сажени и прикрепляли к нему фигурку *аями*. К этой фигурке привязывали второй длинный ремень, идущий к поясу посвящаемого. Иногда последнему ритуальными стружками также обвязывали шею, сгибы рук и ног. Он держался обеими руками за ремень. Нередко ему давали в руки бубен и колотушку. Чаще всего больной был в расслабленном состоянии, и его с двух сторон поддерживали под руки. Позади посвящаемого шел человек с бубном. Еще один человек поддерживал фигурку *аями* таким образом, чтобы она все время была обращена лицом к посвящаемому. Нанайцы говорили: «Он должен к ней привыкать. В ней находится его дух-помощник, который отныне должен всегда быть с посвященным шаманом».

Все следующие действия должны были избавить больного от болезни. Процессия несколько раз обходила вокруг комнаты, шаман камлал с бубном, замыкающий бил в бубен. Затем все выходили на улицу и начинали обходить дома в селении. В каждом из них обходили помещение, шаман камлал, бил в бубен и пританцовывал, а посвящаемый никаких действий не совершал, был слаб и апатичен. Лишь в редких случаях он также начинал шаманить. В каждом доме хозяева угощали холодной кипяченой водой всех участников ритуала, а старого и нового шаманов поили водой с листиками багульника. Считалось, что подобный обход домов способствует излечению посвящаемого, его укреплению. В каждом доме он будто бы получал «частицу счастья». Все происходящее обычно привлекало много зрителей. По мере обхода селения число участников процессии постепенно увеличивалось.

Наконец процессия возвращалась к дому больного. У старого шамана отвязывали ремень от пояса, и посвящаемый теперь следовал только за фигуркой *аями*. Человек, ее державший, шел все быстрее, потом бежал, за ним бежал и новый шаман, он начинал кричать, петь по-шамански, чаще всего через некоторое

---

³ О ритуальном костюме шамана см. на стр. 4.

время он впадал в экстаз. Когда фигурку вносили в дом, то камлали оба шамана. Новый шаман обычно скоро падал в изнеможении на постель и засыпал.

Старый шаман кормил духа *аями*, родственники убирали эту фигурку. Обряд посвящения на этом считался законченным. Посвященный следующий день либо два-три дня отдыхал. Потом он начинал вести обыкновенную жизнь, и его поведение ничем не отличалось от поведения других. Так проходило несколько месяцев, а иногда и лет до того, как его звали лечить человека. Отказаться он не мог. Дух *аями*, о котором он думал неотступно и которого регулярно кормил, велел ему шаманить, пугая новыми болезнями и смертью. Таким образом начиналась его шаманская деятельность.

Но так бывало не всегда. Случалось, что у посвященного на следующий или на третий день проявлялись прежние признаки заболевания. Тогда старый шаман вновь приходил, и повторялся обряд с обходом всех домов в селении. Больному делали еще одну фигурку духа *аями*. В случае необходимости обряд с обходом домов повторялся и в третий раз. Тогда делали и третью фигурку. Некоторые посвященные пробовали при заболевании лечить себя сами с бубном: часто родные, если посвященный болел, делали для него бубен, полагая, что уже от одного наличия, бубна он может поправиться. Новый шаман, чтобы не болеть, все время кормил фигурку духа *аями*. Даже после двух обрядов посвящения некоторые не становились шаманами и оказывались «сильнее духов». Об этих редких фактах рассказывали многие. Такие случаи расценивались как чрезвычайные явления.

Описанный выше обряд в основном совершался в различных вариантах до 1930-х годов. В 1950-х годах ритуальные процессии уже не ходили по домам.

Объяснение обряда посвящения нового шамана. Нанайцы считали, что духи-помощники после смерти шамана возвращались на исконную шаманскую территорию и жили там многие годы, зарывшись в землю, траву, либо в домике *дэкасон*, затем просыпались, начинали искать нового хозяина. Они ждали, когда появится новый кандидат в шаманы — родственник умершего. Иногда, говорят, дух даже присутствовал при родах женщины, когда появлялся наследник главного шамана. Дух примечал его. Он уже любил этого человека, его кровь, его тело, его запах. Затем много лет он следил за этим человеком, а потом начинал ему являться, приходил из ночи в ночь, понуждал к шаманству.

Новый шаман наследовал от давно умершего шамана, своего предка, шаманскую территорию, на которой жили старые духи умершего шамана. Вернее, была даже не одна, а две шаманские территории: *дёргиль* и *гора*. Дёргиль — это «дорога шамана», по которой он обычно ходил, у каждого своя, особая.

По словам стариков, лет через 30 после смерти известного шамана Богдана Онинка его *гора* взял племянник Акиану из села Найхин. Остальные шаманы из рода Онинка имели каждый свою территорию по линии отца, матери.

У нанайцев существовали и другие многочисленные роды. Например, род Бельды насчитывал в 1897 г. свыше 900 чел. Как и Онинка, этот род был известен

многими шаманами, и у каждого были свои территории — *дёргиль* и *гора*⁴. У нанайцев, когда человек начинал болеть шаманской болезнью, принято было говорить: «Он сошел с ума от *гора*» (от духов, находившихся на этой территории).

Показательно, что во время шаманской болезни шаманами, как правило, руководили духи в образе старых женщин. Эти представления в настоящее время довольно стертые, воспринимаются по-разному. У каждого шамана были также свои понятия о мире, духах и т.п. В этом нет ничего удивительного, так как единой школы религиозных верований, в том числе шаманских, не было. Это ярко проявляется во всех религиозных верованиях: в представлениях о душе, о верхних и местных богах и духах, о шаманских территориях (*гора* и *дёргиль*).

Между посвящением шамана и началом его шаманской практики иногда проходило до двух-трех лет. Все это время у нового шамана, согласно этому воззрению, до начала его камлания была обычная душа человека *панян*. Однако эта точка зрения высказывалась очень немногими нанайцами. Во время обряда посвящения, когда лечащий шаман вдвухвал духа *аями* в фигурку, не каждый сразу становился шаманом. Но если это действие вызывало у больного сильнейшее возбуждение, и он тут же начинал петь по-шамански, делал это и в последующие дни, значит душа его трансформировалась, и он становился шаманом.

Современные обряды посвящения шаманов отличаются от проводившихся еще в середине XX века у нанайских народов Хабаровского края. В 1973 г. проходил подобный обряд в селе Даерга. При этом обряде зрителей было не более десяти человек. Основные моменты обряда: превращение души неопита из *панян* (душа обычного человека) в *нёукта* (душа шамана), ее поиски, погоня. Новой фигурки для *аями* при посвящении сделано не было.

ОБЛАЧЕНИЕ НАНАЙСКОГО ШАМАНА

Полное исследование всего комплекса одежды и снаряжения нанайских шаманов сделала в своей монографии А.В. Смоляк⁵. Сведения по этим вопросам имеются в монографиях П.П. Шимкевича, И.А. Лопатина, в статьях С.В. Иванова и Е.Д. Прокофьевой.

К шаманским атрибутам и снаряжению можно отнести: 1) пояс; 2) металлические диски толи, подвешивавшиеся на грудь, спину или к поясу; 3) бубен с колотушкой; 4) различные посохи; 5) священные столбы, иногда с жертвенником. Как говорилось выше, у шаманов обычно было много фигурок — вместилищ духов (*сэвэны*). У каждого шамана был специальный комплект ритуальной одежды: юбка, халат, кофточка, головной убор. Иногда, в зависимости от характера обряда, надевали только отдельные части этого ансамбля.

⁴ Дёргиль и гора — понятия в сущности одинаковые. Обобщенно о них можно сказать «шаманская дорога», или дорога шамана, проходящая по территории, только ему принадлежащей.

⁵ Смоляк, А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) /А.В. Смоляк. — М.: Наука, 1991. — 280 с.

Ритуальная одежда нанайских шаманов различалась в разных районах расселения этого народа. В ней было много общих элементов: юбка и кофточка без рукавов (либо с короткими рукавами), надевавшиеся поверх повседневного халата. Специальные шаманские халаты на притоках Уссури, Кур, Урми изготовлялись из хлопчатобумажной ткани (редко — из шелка) и имели обычный покрой, главным, признаком которого была застежка широкой левой полы на правом боку. Длина таких халатов была различной, часто до пола. На них можно видеть изображения духов-защитников шамана.

Отступления от исконного покроя очень редки, особенно в ритуальной одежде; в данном случае необходимо иметь в виду, что с конца XIX в. среди мужчин-нанайцев вместо халатов все шире распространялись рубахи русского покроя. Эта давно укоренившаяся здесь новация проявилась и в шаманской одежде.

Поверх халатов шаманы мужчины и женщины надевали кофточки без рукавов или с короткими рукавами и юбки. Юбки изготавливались различной длины из ткани или ровдуги. У некоторых от подола до пола свисала бахрома из полосок собачьего или барсучьего меха, иногда из узких полос шелка. Как говорили многие информаторы, позднее как женскую, так и мужскую юбку все чаще стали называть *хосиан*, а потом привыкли к этому названию, и оно стало обычным.

Согласно данным экспедиции П.П. Шимкевича (сборы 1895-1896 гг.) в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова (далее – музей) имеется подобный экспонат (Рис. 1а, б) «Юбка шамана *хосиан*. Кон. XIX в.». Из белой ткани, с разрезами по бокам. Разрезы и подол обшиты полосами черной и красной ткани. С одной стороны, на юбке синей краской и черной краской нарисованы два дракона с рогами головами к центру и профильные зооморфные изображения: одно в полоску (тигр), другое в горошек (леопард?). Ниже вертикальные линии с утолщением вверху. С другой стороны юбки: посередине две перевитые змеи в полоску и вертикальные линии с утолщением наверху. Х/б ткань, краска; шитье, роспись. Ручная работа.

Рис. 1а

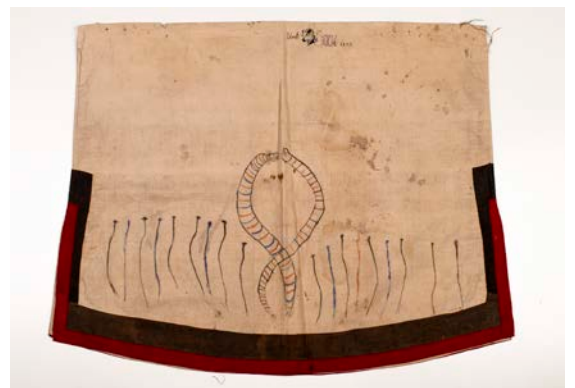

Рис. 1б

Важным элементом шаманского одеяния был пояс *янган*, надевавшийся поверх халата. Нанайцы и ульчи делали его из полосы кожи шириной 12 – 18 см. Она опоясывала талию сзади и по бокам, к концам пришивались узкие ремешки,

с помощью которых пояс завязывался спереди. К поясу прикрепляли несколько рядов коротких ремешков для подвешивания 20 – 30 длинных (до 15 см) металлических конусообразных подвесок *конггоро*, а также бубенчиков, колокольчиков, зеркал — маленьких металлических кругов *хотон толикэни*. Взамен утерянных подвешивали любые металлические подвески, иногда весьма тяжелые: детали сельскохозяйственных машин, мясорубок, велосипедов, замков и т.п. (подобные новации отмечались и в начале XX в.). Общий вес пояса был не менее 4 – 5 кг. Во время камлания шаман танцевал, вращая нижней частью тела, при каждом его движении раздавался лязг. По словам информаторов, эти звуки «дух шамана поднимали», «чертей разгоняли» (злые духи боятся металла). Другие говорили, что звуки подвесок создавали шумовой эффект в дополнение к игре на бубне и были хорошим аккомпанементом к танцу шамана.

Рис. 2

Так экспонат (Рис. 2) «Пояс шамана *янган*. 2-я пол. XIX – нач. XX в.» поступил в музей в 1932 г. Пояс из коричневой кожи, в форме змеи с туловищем, разделенным вдоль пополам и набитым наполнителем. На одном конце – округлая голова с двумя рожками, на другом два хвоста. В борозду между валиками туловища и по верхнему краю пришиты кожаные петли, за которые подвешены колокольчики (сохранились 14 шт.). К нижнему краю пришиты петли, в которые вставлены девять металлических колец, к которым попарно подвешены конусообразные подвески (сохранилось 14 шт.). Кожа, металл, сухожильные нити, трава; шитье, ковка, литье. Ручная и кустарная работа.

Шапка большого нанайского *касаты*-шамана отличала таких шаманов от простых. Её основой был металлический обруч вокруг головы с прикрепленными к нему узкими металлическими полосами, перекрещивающимися на макушке. Шапка в несколько раз увеличивалась в объеме наложенными на нее меховыми полосами, укрепленными наверху и спускавшимися с головы до пояса. Между полосами меха вшивали ниспадающие узкие полосы красной и синей ткани.

Некоторые шапки имели в основе небольшой каркас из корней или прутьев, обтянутых тканью. Поверх ткани накладывались полосы меха. Каркас делал шапку более высокой, но такие шапки изготавливались редко. Высокие шапки мастерили также, прикрепляя к ним меховые шкурки, собирая их вверх, а затем связывая пучком. Употреблялся мех лисиц, медведей, рысей, волков, барсуков, маленьких росомох с большими лапами, собак, енотов. Экспонат музея (Рис. 3), сборы П.П. Шимкевича (1895-1896 гг.). Шапку большого шамана низовые и верховые амурские нанайцы и ульчи называют одинаково — *хуи*. По-нанайски и по-ульчски термин *хуи* имеет два значения: 1) рог; 2) шаманская шапка.

Рис. 3

Важнейшими атрибутами нанайских шаманов были бубны с колотушками и посох (Рис. 4а, 4б, Рис. 5). «Бубен шамана *унчухун*. 2-я пол. XIX в.», экспонат поступил до 1914 г. Яйцевидной формы. Обод толстый. На обороте, в парные отверстия в ободке вставлены кожаные ремешки, привязанные в центре к бронзовой круглой ажурной подвеске. Кожа, дерево, металл, сухожильные нити; резьба, литье, склейка. Ручная работа. 70 x 58 x 3,2.

Рис. 4а

Рис. 4б

«Посох шамана *боло*. 2-я пол. XIX в.», экспонат в музей поступил до 1914 г. Палка, овальная в сечении. Один конец имеет форму копыта, на другом

вырезано углубление, образующее рельефный валик, со следами крепления утраченного изображения. Поверхность посоха местами тонирована черной краской: верхняя треть, далее поперечными полосками и кончик копыта. Дерево, краска; резьба, тонирование. Ручная работа. 108 x 2,6 x 2,3.

Рис. 5